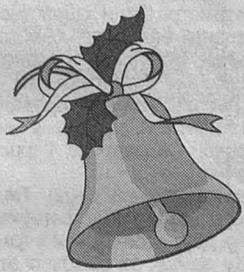

ГАРРИ ГРОДБЕРГ:

Культура. — 1999. — 13 янв. — с. 9

У органа есть только один конкурент — симфонический оркестр

В этом сезоне Московская филармония выпустила специальный юбилейный абонемент Гарри ГРОДБЕРГА.

Один из самых блистательных исполнителей органной музыки в мире сыграет в честь своего 70-летия десять сольных концертов. Как всегда, при аниллаге. И как всегда — на протяжении сорока пяти лет его выступления на сцене — люди будут искать лишний билетик. Гарри Гродберг принадлежит к тому уникальному типу художников, которые, достигнув вершин мастерства и ошеломляющего успеха, продолжают двигаться вперед. Последние семь лет он для каждого сезона готовит новые программы. Сейчас особенно увлечен музыкой немецких романтиков, которая — в том числе благодаря и его усилиям — переживает подлинный ренессанс.

— Вы знаете, кто враг № 1 для исполнителя? Рутинка. Если ты ей поддаешься, теряется свежесть восприятия, ты просто перестаешь любить музыку. До сих пор у меня ни одна программа в сезоне не повторяется. Мне удалось сохранить профессиональную форму. Честно говоря, я очень пекусь об этом, ведь без концертов я долго не проживу. Собственно, моих сверстников, выступающих с сольными концертами, практически уже не осталось. Так что я вполне могу быть кандидатом в Книгу рекордов Гиннеса. Согла-ситесь, 45 лет на эстраде — это срок...

— Сейчас я задам, по всей видимости, самый надоевший вам за вашу карьеру вопрос. И тем не менее: почему вы выбрали орган? Ведь во времена, когда вы начинали, орган даже не считался инструментом для сольных выступлений.

— Действительно, тогда органные концерты всегда проходили с участием вокалистов или инструменталистов. Я стал первым органистом в стране, кто сломал традицию подобных антуражных органных концертов. Почему орган? Это замечательный инструмент. Так сложилось, что в консерваторской, академической среде к нему не всегда относились подобающим образом. Но это великий инструмент, который в искусных руках может творить чудеса. У него есть только один конкурент — симфонический оркестр. Но в некоторых случаях орган его превосходит. Конечно, превратить игру на органе в высокий художественный акт, сделать ее раскованной, творческой, свободной, как у пианистов или скрипачей, — весьма сложно. Многие просто застревают во всей этой машинерии. Требуется талант, опыт, мужество, время. И когда мне это удается, я по-настоящему счастлив. Конечно, у исполнителя органной музыки возникает определенная трудность. Например, с репетициями. Мне нередко приходится репетировать до трех часов утра. Или проблемы, которые существуют с записью моих концертов. Дело в том, что запечатлеть на пленке или компакт-диске подлинное звучание органа, «сфотографировать» органичный звук, каким он был в концертном зале, — отнюдь не простая задача. И удается крайне редко. Порой я очень жалею, что много замечательных концертов, которые были у меня за последнее время, не запечатлены. Впрочем, как раз к этому мне не привыкать — и прежде десятилетиями радио не записывало мои выступления. Существовало даже негласное указание — не транслировать их.

— Судя по всему, ваши отношения с властями складывались непросто...

— Я никогда не был любимцем властей. Ни тогда, ни новых. Своим званием я получил очень поздно, годами был невнятным. Причем мне даже обыватели с каким-то наивным цинизмом: «Гарри, ты должен понять это, ведь у тебя родственники за границей». А когда стали выпускать, какая это была уничижительная процедура! Не могу сказать, что и новая власть проявляет ко мне внимание — они никогда не ходят на мои концерты. Вообще со мной произошла странная, парадоксальная вещь. С одной стороны, мои концерты всегда успешны. Более того, я думаю, что меня признали именно благодаря поддержке моих слушателей. С другой — я просто аутсайдер какой-то — никогда не участвую ни в каких званных собраниях. Впрочем, я стараюсь делать свое дело независимо от обстоятельств. Для меня важна только публика.

— Кстати, о публике. Так много изменилось за последние годы: иные времена — иные нравы. Как вам кажется, отличает ли ваша публика времен СССР от публики в новой России, которую теперь называют буржуазной?

— Для буржуазной публики я, как ни странно, существую — она ин-

тересуется другими делами. Сегодня интеллигенция, а это и есть моя аудитория, к сожалению, зарабатывает мало и плохо. Поэтому я всегда настаиваю — и лично слежу за этим, — чтобы билеты на мои концерты были доступны ей. Даже предлагаю снизить мой гонорар. Я отказываюсь от выступлений, если узнаю, что билеты слишком дороги. Зато на своих концертах я всегда вижу хорошие лица. Можете мне поверить — я прекрасно разбираюсь в лицах. Вообще люди, которые много лет занимаются искусством, приобретают удивительное свойство — они очень тонко чувствуют людей, если можно так сказать, видят их насквозь. И это неудивительно: ведь мы всю жизнь имеем дело с эмоциями — мы их проецируем, воспроизводим...

— Как изменилась география ваших гастролей за последние 8 лет? По всей видимости, родственники за границей уже не являются препятствием для зарубежных выступлений?..

— Да, но когда отпали эти проблемы, я был уже немолодым человеком — лучшие годы были украдены у меня. Сегодня я приобрел личную свободу. Но... потерял концерты. С распадом СССР исчезла и возможность регулярно играть в бывших союзных республиках. Раньше я давал по 70 концертов в сезон, выступал на Украине, в Белоруссии, Прибалтике, на Кавказе. Мне жаль, что я уже много лет не играл в Киеве. Я был одним из многих музыкантов, кто не отказался от гастролей в Киеве в мае 1986 года. Конечно, я отдавал себе отчет в масштабах Чернобыльской трагедии и в ее последствиях. Но речь шла о моих взаимоотношениях с замечательной киевской публикой, которая любила и ценила меня. Я просто не мог тогда не поехать. И люди в концертном зале приветствовали меня стоя. Конечно, я приобрел Германию и другие западные страны — особенно горжусь своими концертами в Берлинском кафедральном соборе. Но я не могу сказать, что веду ту гастрольную деятельность, которую мог бы вести.

— Гарри Яковлевич, хорошо известно, что вы были последним учеником А.Ф.Гедике, а о ваших учениках мне не приходилось слышать...

— У меня есть ученица. Моя жена Наталия Владимировна. Мы с ней даже играем в четыре руки. Но я до сих пор преподаю. Я пытался начать преподавательскую деятельность. Мне отказали: «Ваши коллеги вас не хотят». Правда, к своим ученикам я могу причислить всех, кто ходит на мои концерты: ведь именно я формирую их вкус, их эстетические пристрастия. А есть семьи, в которых уже третье поколение ходит на мои концерты.

— Вас еще можно считать «крестным отцом» большинства органов, установленных на территории СНГ. Ведь этим занимался совет по органостроению при Минкульте СССР, а вы долгие годы были заместителем его председателя.

— Да, была такая организация на общественных началах. В результате этой деятельности я всегда имел массу неприятностей, потому что никогда не мог пройти мимо жульничества. И в те времена заместителем директоров филармоний по хозяйственной части нередко были, так сказать, «схвачены» фирмами-производителями и заказчика, столько интересы заказчика, сколько интересы фирмы. Когда я принимал орган и находил недостатки, их надо было исправить, причем бесплатно. А этого никто не

хотел... Но я горжусь этой работой — практически все органы в Сибири, в Ярославле, Твери, Сочи и других городах установлены при моем участии.

— Интересно, по каким критериям решалось, быть органу в городе или не быть?

— Иногда по самым неожиданным. Никогда не забуду, как появился орган в Ярославле. У нас была заявка от Томска. Орган был в работе, когда неожиданно выяснилось, что Томск не может его оплатить. А контракт уже подписан, и необходимо срочно решать, что делать с этим инструментом, куда его установить. Надо сказать, что полагаться на Минкульт было совершенно бесполезно. Они делали много замечательных вещей, но не всегда по-настоящему творчески занимались искусством. Тогда я почему-то вспомнил Ярославль. Собственно, что необходимо для установки органа? Хороший концертный зал, культурные традиции, свой особенный художественный мир. Все это в Ярославле было. В министерстве удивились: «Откуда вы знаете, что им нужен орган? И вообще, есть ли у них деньги?» Мы с Наташей поехали туда. Встретили нас настороженно: «Зачем нам орган? У нас пультов нет и вообще много чего нет...» Я им в ответ: «Зато у вас есть редкая возможность вне всякой очереди получить уникальный инструмент». Одним словом, убедил их в том, что им просто необходим орган: Ярославская область прислала заявку. И еще в нескольких городах я был инициатором установки органов. Например, в Твери, где сегодня находится один из лучших органов в стране и где я организовал единственный в России фестиваль Баха.

— А о появлении органа в Кишиневе до сих пор ходят легенды...

— Да, это замечательный орган. Орган, на который не жалели денег. Когда составлялся проект, меня пригласил тогдашний руководитель республики И.И.Бодюль, дочь которого пробовала играть на органе. Тогда я обнаружил у этого инструмента очень крупные недостатки. Но технических дефектов не было, и формально по контракту я не мог требовать их устранения. Но никаких формальностей и не потребовалось. «Что надо делать?» — спросил меня Иван Иванович. «Заменить регистры!», — ответил я. Приблизительно это то же самое, что потребовал у фирмы «Бехштейн», чтобы вам на рояле заменили бас. «Что еще?» — «Акустика плохая. В зале рифленые стены, а должны быть гладкие». Через полчаса приехал стройбат, и к вечеру стены в зале были гладкие и чистые. И регистры заменили. Через год меня пригласили сыграть на этом органе. В результате появился Указ Президиума Верховного Совета МССР, которым С.Бодюль присваивалось звание заслуженной артистки МССР, а мне — Почетная грамота. Поселили меня в гостинице ЦК Компартии Молдавии, в люксе. Но оплатить его мне пришлось самому. Это были большие деньги, а я не был богатым человеком и не мог им быть. Зато И.И.Бодюль прислал в знак благодарности несколько бутылок молдавского вина. Вот такие были порядки. По сути, я был крепостным. Но все это минуло, а орган остался городу, народу.

— Гарри Яковлевич, наверное, у вас есть самый любимый орган?

— Да, в Зале Чайковского. Статьи, инициатором этого органа в свое время тоже был я. Я даже был соавтором и участником его реставрации — он был дважды переделан,

перестроен. Сегодня это самый большой орган в России и самый замечательный. Его обслуживают три мастера, и он в идеальном состоянии. Чего не могу сказать о Большом зале консерватории, где орган уже много лет находится в упадке. В результате неудачных перестроек он лишился 30 процентов звучащих оригинальных труб и сегодня не наполняет помещение. Он еще годится для аккомпанемента, но органные концерты там бывают уже крайне редко. Хотя прежде я играл там каждые три недели. Это очень печально, ведь в свое время именно этот орган стоял на Всемирной выставке в Париже. Россия гордилась им...

— Завтра наступит новый год, ваш юбилейный год. С какими чувствами вы провожаете год уходящий, год, оказавшийся таким неожиданно тяжелым?

— Я не могу сказать, что встречаю свое 70-летие в хорошем настроении. Все очень тревожно. Сегодня, например, когда мы ехали на репетицию, один из пассажиров в вагоне метро, пристально на меня посмотрев, доверительно со мной поделился: «Ну что же, демократы сейчас нервничают: эти жидо-масоны отравили нам всю жизнь. Россияне... И откуда это слово — «россияне»? Есть только русские и нерусские». Конечно, он сказал это горько-резче. И, конечно, он был пьян. Но никто в вагоне никак на это не отреагировал. Это стало привычным, и это страшно. Я — немецкий еврей, но я и представитель российской творческой интеллигенции, 45 лет я связан с российской культурой. Почему мне звонят домой и угрожают погромами? Как вы понимаете, все это не прибавляет оптимизма. А выступления определенного толка политиков: и журналистика «засорена» евреями, и администрация Президента, надо вводить квоты... В России сегодня всего 0,4 процента населения составляют евреи. И если вводить квоты, то я смогу выступить на эстраде приблизительно один раз в 20 лет. Я, конечно, не политический деятель, но я не могу понять, почему подобные тенденции в конце XX века не встречают адекватной реакции.

— Возможно, сегодня власть не считает нужным принимать это всерьез?

— Это очень серьезно. Я помню, как это начиналось. Ведь я родился в небольшом городе Клайпеда в Литве. Я помню, как в 39-м по улицам маршировали колонны штурмовиков, как быстро утвердилась расовая нетерпимость, когда она стала частью государственной идеологии. Я помню, как мне, ребенку, было горько и непонятно, почему от меня сразу отвернулись мои школьные друзья, почему моя семья сразу стала как бы второго сорта. Мы переехали из Клайпеды в Каунас за три дня до вступления в город вермахта. А из Каунаса уехали в Россию утром 22 июня 1941 года в грузовом составе, практически ничего не успев захватить с собой. Так что мы дважды убежали от фашизма... Я видел фашизм и видел, как и с чего он начинается, я испытал это на своей шкуре. Не могу сам и никому не посоветую к любому его проявлению относиться несерьезно.

...В Зале Чайковского закончился концерт. И Гарри Яковлевич заторопился на репетицию. Вы помните — органист репетирует ночью. Еще немного, и он останется бездомным с Бахом. Впрочем, утверждает Гарри Яковлевич, играя Баха, он чувствует себя дома...

Беседу вела
Марина СТАРУШ

